

Советская энциклопедия
20 августа 1961

КИНО ЧИСТОЕ НЕБО

ПРОСМОТР нового фильма Григория Чухрая «Чистое небо» в Центральном доме журналиста был назначен на 10.30. Надо было спешить.

Но как раз в это время заговорили репродукторы на улицах, бульварах и площадях Москвы. Мы замерли, слушая: «12 апреля 1961 года в Советском Союзе выведен на орбиту вокруг Земли...».

Пронзительно знакомыми были и эта картина — москвичи, застывшие в молчании у репродукторов, и голос Левитана, и драгоценное «чувство общности», охватывающее нас в поворотные дни нашей жизни, когда все мы в одну минуту становимся счастливее...

Пока в первый раз читалось тассовское сообщение, в памяти промчались воспоминания о других событиях, о других чрезвычайных сообщениях, крепко сплавивших нас со счастливыми и горькими вестями. Необыкновенно характерны для нашей жизни такие минуты — у репродукторов или у газетных щитов, «во дни торжеств и бед народных».

Позиция заполнила город. Может быть, какую-нибудь другую кинокартину и не захотелось бы смотреть в такой час — не обратила бы она поэзию в прозу! — но на Григория Чухрая надеешься.

И вот идут первые кадры «Чистого неба». Светлая лазурь над верхним слоем облаков — сюда пробилась серебристая стрела с земли. Локаторы ловят ее в свои экраны. На командном пункте аэродрома офицеры авиации подают короткие энергичные команды. Застыли аварийные и санитарные машины. Тревожные аккорды рояля монтируют эти кадры.

Конечно, во всем этом можно было уловить лишь внешнее сходство между фильмом и великим событием дня, это мы понимали. Но вот кончился пролог, пошли эпизоды военных лет, и с экрана зазвучали головокружительные знакомые интонации... Мы узнали голос Левитана, сообщавшего по радио о подвиге советского летчика Астахова — тот самый голос, который мы только что слышали на улице! Созвучие уже не казалось нам только занятным!

ЧТО ЖЕ происходит на экране? Драматург Д. Храбровицкий и режиссер Г. Чухрай, начав фильм своеобразным прологом — эпизодом взлета реактивного самолета, возвращаются затем к началу истории одного летчика, ведут нас на новогоднюю вечеринку, куда он явился непрошеным гостем, потом в читальню, где школьница Саша Львова узнает о начале войны, потом на свидании Саши и Алексея у бомбоубежища...

Мы слышим в общем-то привычные слова, встречаемся со знакомыми персонажами и спрашиваем себя: где же, в чем начнется большое искусство?

В конце концов чем дорог нам талант Чухрая? В «Сорок первом» и «Балладе о солдате» мы узнали художника, влюбленного в человека, в жизнь, в прекрасное на белом свете. Есть великое множество деятелей искусства, программно заявляющих о такой же любви, но до чего же трудно выразить ее в художественном образе! Для Чухрая это — органическое свойство художнического зрения, самое существо его артистической природы. Он смотрит на мир влюбленным, честным, чистым взглядом Марютки, Алеши Скворцова. Здесь, в «Чистом небе», есть люди такого же склада — молодая работница Саша Львова, летчик Алексей Астахов. Саша и Алексей, так же как Марютка, как Алеша Скворцов и Шура, переживают своего рода «робинзонаду», долгое уединение в бурном, трагически бушующем мире. Вот наворачивали они немно-

го дров на станции, притащили несколько поленьев в нетопленную Сашину комнату, бросили в печь — и играли на их лицах отблески веселого огня, совсем как в «Сорок первом». Недолгий уют посреди бурь века, маленький островок в влом океане... Но, пожалуй, здесь пристальнее, чем в двух первых фильмах, Чухрай прослеживает судьбы любимых своих героев, их связь с судьбами современников, с устройством жизни на земле. Сценарий Д. Храбровицкого просторен в этом отношении — это уже не новелла, а кинороман.

Саша превращается из девочки в девушку — в это время мы и знакомимся с ней. Ясно видишь, как работает режиссер с даровитой актрисой Ниной Дробышевой: он запрещает ей инфантильное кокетство, ищет в Саше огромный интерес к

черкнуты крестиками лишь несколько дней, а Саша уже решает стать женой Астахова. Не рано ли? Нет, не рано — готовы мы теперь подкачать Саше. Мы вместе с артисткой прожили дни первой любви Саши Львовай, увидели ее глазами Астахова и никого другого ей в мужья теперь не желаем.

Чем же они «взяли» нас — Саша и Алексей? Да тем самым, что и герои первых двух фильмов Чухрая: они способны к счастью. Они видят в жизни победу чистого и честного. И ничто не убьет в них животворную, благороднейшую человеческую способность верить лучшему.

Есть в фильме «проходная», но очаровательная сцена: забравшись в городской сад, по-зимнему безлюдный, по-военному заброшенный, Саша и Алексей бросаются снежками, дурачатся на сне-

Именно с эпизода встречи Саши и Алексея фильм становится все более драматичным, и тогда становится ясным — вся лирическая история любви этих людей была лишь предысторией события, рассказанного во второй половине фильма. И нужна была эта история для того, чтобы мы хорошо узнали людей, на которых обрушится жесточайшее испытание.

Вернувшийся домой Астахов отстранен от любимого дела по той причине, что был в плену. Он настойчиво добивается правды, пишет в партком одно заявление за другим, он потрясен несправедливостью, но день за днем тянется немыслимо обидное существование. Уже благополучный муж благополучной Сашиной сестры Люси начинает роптать — у него на службе предвидятся неприятности, он не мо-

жно! — твердит Астахов в горе. В горе, а не в отчаянии.

Горе можно изжить, а промолчать о нем нельзя. Фильм, говорящий о горе Астахова, прямо, честно, умно очищает человеческие души: с верой в партию Астахов вышел победителем из самых жестоких испытаний.

Кинематографисты перевернули на этот раз самые сложные страницы нашей истории. Астахов, самозабвенно сражавшийся с врагом в сорок первом году, не знает, как ему быть, когда у него отбирают партийный билет и Золотую Звезду Героя. Что же, фильм наводит уныние?

Ни в малейшей степени! Он вызывает настоящий духовный подъем, несет зрителю нравственную силу. В конце концов каким образом искусство рождает радость? От чего она происходит? Мы радостно взволнованы, когда художник открывает нам прекрасное в жизни, когда мы видим, например, юношескую любовь Саши и Алексея. Но мы испытываем такое же высокое волнение, когда художник честно, открыто, как подобает коммунисту, говорит нам о самом горьком и тревожном в жизни. Это особая радость, рожденная честным искусством. Радость истребления неправды. Радость торжества подлинной, ленинской партийности. Радость духовной близости с миллионами людей, нашедших вместе с художником ту же правду, которую нашел в конце концов Астахов.

Победила правда Астахова. Победила правда фильма. Это и есть победа партийного начала в искусстве. В сущности, нашему искусству никогда не давались легкие, адакие изящные, пустячные победы. Оно возшло на могучем драматизме. В этом его достоинство. И его оптимизм.

Есть у Саши Львовай сестра Люся. И она, как Саша, была юной и чудесной, и она любила отличного парня. Но духа не хватило — вышла в эвакуацию замуж за безвременно облысевшего человека, вся доблесть которого в умении хорошо «отovarиваться». Есть и в искусстве прелестные, но слабые характерные Люси. Они в конце концов вызывают сожаление, не больше. Чухрай живет по нравственным законам Астахова и Саши — в этом обаяние его мужественного искусства.

В РЕЖИССЕРСКОМ ритме фильма есть кое-где, мне кажется, уступки нестроному вкусу. Неживым, павильонным кажется цвет в ряде кадров, и это обидно, потому что в таком фильме особенно драгоценно ощущение абсолютной подлинности; излишне прямолинейным, «цитатным», нетонким представляется кинематографический образ ледохода весной 1953 года. Очень декоративна подсвеченная цветными огнями подворотня, где пьяный Астахов изливает душу перед потрясенной женой. Да, есть пробелы и в драматургии, и в режиссуре, и в изобразительном строе фильма. Но все-таки, как быстро созревает кинематографическое мастерство Чухрая, имеющее под собой такую плодоносящую почву — партийную, гражданскую честность!

Есть в этом фильме эпизоды, которые могли бы пересказать и театр, и литература, и живопись. А есть куские действия, доступные только кинематографу.

Вот один из них. Женщины прифронтового города узнали, что их мужья, сыновья, братья должны проследовать с эшелонам на фронт. Может быть, эшелон остановится на несколько минут? Камера Сергея Полуянова на перроне: мы видим лица женщин, безмерно взволнованных ожиданием встречи. И вот показывается поезд. Но он не замедлил, а ускорил ход, приблизившись к перрону, и мы не можем различить ни одного лица. Они стерты, смазаны мельканьем теплушек. Не придумаешь кинематографический образ военной разлуки проще и трагичнее. Этот эпизод войдет, наверное, во все кинематографические хрестоматии...

КОГДА кончился просмотр и мы вышли на Суворовский бульвар, Москва уже знала о счастливом приземлении Юрия Гагарина. Поднималась волна ликования.

Мы были рады тому, что увидели фильм Чухрая именно в этот праздничный день: он созвучен народному торжеству духовной силой, красотой человеческих образов.

Я. ВАРШАВСКИЙ.

Кадр из фильма «Чистое небо». Саша — Н. Дробышева, Астахов — Е. Урбанский.

людям — и обаяние юности является без напоминаний. Вместе с оператором Сергеем Полуяновым Чухрай то и дело «ловит» в больших глазах Саши удивление — она способна удивляться близине снега, чистоте воздуха, физической и духовной красоте человека, она ждет от людей чего-то замечательного — и в этом ее юность. Авторы фильма и актриса помнят: юность не только самое счастливое, но и самое трудное время в жизни человека: надо принимать решения, от которых зависит все, до самой смерти. Это понимает Саша Львова, и потому она нравится нам сразу же и по-серьезному, даже тогда, когда выглядит очень смешной в отцовских валенках.

Глубоко уважая Алексея Астахова, драматург, режиссер и актер Е. Урбанский не боится показать его легкомысленным, нагловатым, даже, прости господи, пошловатым. Таков Астахов в эпизоде первого свидания, когда мы, зрители, готовы упрямить Сашу — Дробышеву: да пошли ты его к черту, убег от этого «душки-летчика!» Но Саша оказывается пронзительнее нас, она уверена в непогрешимости своего самого первого, самого тонкого девичьего чувства. И авторам фильма доставляет удовольствие посмеяться над нами. Правда-то Саша, не испугавшаяся лихих атак самоуверенного летчика. Он оказывается великолепным парнем.

Режиссер строит фильм большими «актерскими» кусками, чтобы самый ритм повествования втянул нас в действие, превратил из зрителей в «сопереживателей». И мы вовлекаемся в волнения Саши, вместе с Астаховым вглядываемся в ее глаза. Актерами действительно прожиты эпизод за эпизодом фильма — мы можем верить это на своих ощущениях. На календаре пере-

гу. А рядом стрельбище, которого они не замечают: там девушки в полушубках занимаются огневой подготовкой. На минутку застыл строй, опущены винтовки к ногам: девушки с хорошей завистью смотрят на чужую радость. Эти светловолосые, голубоглазые солдаты тоже знают цену человеческому счастью...

Не так ли, не этой ли мерой проверяет режиссер характеры и человеческую ценность, духовную гармоничность своих персонажей?

Может быть, самая строгая для них проверка — умение отказаться от счастья, если оно невысокого полета. Такую проверку прошла Саша. Вот узнала она о гибели Астахова незадолго до того, как родила ребенка от него. Надо выписываться из родильного дома. В вестибюле ее дожидается другой летчик, славный малый Петя, школьный друг Саши, давно преданный ей. Вот и муж вдове, и отец младенцу! Но Саша мгновенно, безотчетно и навсегда отказывается от Пети.

Так исследуют авторы характер Саши в истоках сюжета. Многие еще предстоит испытать этому характеру.

Здесь, как и в других мотивах, сценарий вступает на знакомые фабульные тропинки. Мы начинаем догадываться: вероятно, Астахов не убит, он вернется, авторы дадут нам увидеть встречу Саши с Алексеем. Так и есть — наступает день, когда Саша слышит за дверью голос мужа. Мы можем вспомнить такие киносцены — не так мало их было на экранах. Но талантливое искусство не боится знакомых тропинок, не избегает их — оно нередко находит драгоценную руду там, где ее уж и искать перестали.

жет жить под одной крышей с исключенным из партии Астаховым. С тем самым Астаховым, который спасал ему жизнь.

Здесь фильм приобретает остродраматический характер. Партком разбирает очередное заявление Астахова с требованием восстановить его в партии. Самоуверенный мужчина в полувойском костюме лаконично сообщает Астахову, разведя руками: «Не сочли...».

Разные люди сидят за тем столом, где «не сочли» — равнодушные и совестливые, умные и ограниченные. Как же это могло случиться? И почему старый рабочий, человек, по-видимому, сердечный, объясняет Саше резолюцию так, что она не верит собственным ушам: оказывается, она должна подозревать мужа в предательстве, хоть нет ни малейших к тому доказательств, в измене, хоть она считает его неспособным на низость, в трусости, хоть он рыцарски смел. Она должна не верить тому, что знает, и верить тому, чему поверить невозможно.

А еще трагичнее то, что уже не спокойный человек в полувойском костюме, сидящий под сенью холодного монумента, а сам Астахов убежденно, страстно твердит Саше: «Так нужно!.. Лес рубят — щепки летят».

Он свято верит в партию, в ее справедливость. И если личная его судьба сложилась так нелепо, так страшно, он готов обвинять в этом себя, неостаточное стечение обстоятельств, кого угодно и что угодно, но с верой в великое дело он не расстанется ни за что.

Вот от чего кружится голова у Саши — наступают мгновения, когда она не в силах понять жизнь. Но авторы и не давали обязательности нарисовать малопривлекательный персонаж, которому всегда все понятно с первой минуты.

Потомки наши, изучая бесконечно сложное время, когда жили Астаховы и Львовы, не разберутся в их мыслях, поступках, если не поймут: культ личности не существовал для Астаховых как рассудочный культ личности. Это было время огромного доверия советских людей к одному человеку, который казался воплощением вовсе не «культа», а лучшего в современности. Именно в том, что Астахов безгранично верит этому человеку, не разрешает себе жалеть самого себя и ни на секунду не теряет веры в справедливость, чистоту, благородство дела коммунизма, — в этом драматизм времени крупнее шекспировского драматизма. «Значит, так ну-